

Между тем мужчина принялся раздвигать складки купюрой, а затем поднял! голову и, ухмыльнувшись, спросил: - Хочешь, чтобы сотка стала твоей? Арина прекрасно знала, что она - предмет для поклонения, но сейчас играла совершенно другую роль, маска думала и решала за нее. - Д-да... - Тогда раздвинь пизду... "Нет-нет, это невозможно! Я не такая!" - хотела крикнуть Арина, но выбора у нее уже не было, и чуть дрожащие пальчики робко поползли к промежности, чтобы раскрыть половые губки. Она едва соображала от неприличного положения, в которое случайно попала, от сюрреалистичности ситуации, в которой ей не место... но покорно развела складки вилкой из указательного среднего пальца прямо перед носом довольного самца. А тот, не колеблясь, ввел трубочку сотенной в призывно раскрытую дырочку. Арина едва не взвизгнула от непристойности и грубости этого действия, застыв в ужасающе неприличной позе - голышом, с юбочкой в виде пояса, с широко раздвинутыми бедрами и свернутой купюрой, засунутой в то место, которое она берегла, ухаживала за ним и добралась до которогомогли лишь избранные...

А теперь кто хочет может, лишь заплатив, умильно любоваться торчавшим из нее инородным предметом, наверняка грязным, с кучей бактерий от огромного количества людей, пропустивших сотку через свои руки. И легко представить, что все эти люди сейчас трогают ее между ног, словно так и положено... Унижение было полным, но недостаточным. Мужчина, вдосталь полюбовавшись на дело своих рук, откинулся и пророкотал: - Ладно, мне надоело, что ты строишь из себя смущенную недотрогу. - Он указал на незаметно для женщины увеличившуюся толщину стопочки на краю стола. - А теперь соси, заплачено! Арина вздрогнула, словно от удара. Оскорбление было слишком велико и унижало будничностью, с которой мужчина произнес последние слова. Словно он купил не только ее обнаженное тело, затем прикосновения к этому совершенному телу, а теперь покупает и ее рот в полное свое распоряжение.

Унижение было полным еще и потому, что она не знала, как воспротивиться развратному желанию мужчины. Бессильная что-либо изменить, женщина поняла, что ей все же придется сейчас отсасывать совершенно постороннему мужчине только лишь потому, что он за это заплатил! Арина вначале растерялась, не только из-за того, что предлагаемое безусловно являлось недостойным такой женщины, как она, но и потому, что в этой позе делать минет было неудобно. Тогда она словно на автопилоте встала коленями на столик. Мужчина сидел, вальяжно развалившись, и не подумал сам расстегивать ширинку. Сгорая от унижения от того, что даже брюки ей приходится расстегивать самой, словно рабыне - господину, Арина потянулась к молнии... И едва не остановилась... Как же она не подумала, вставая в такую двусмысленную позу, что если кто-то сейчас войдет в комнату, то сразу увидит ее оскорбительно развратную позу и, главное, трубочку стоцолларовой купюры, по-прежнему торчащей из ее дырочки.

Безусловно, это сразу скажет любому вошедшему, как именно мужчина заполучил ее ротик - за деньги! В ужасе от собственного падения, Арина лихорадочно расстегнула ширинку и, оттянув край трусов, достала эрегированный член. Это было ужасно, недостойно, отвратительно - держать неизвестно чей член в пальчиках, готовясь взять его в рот, да еще в такой неудачно подобранной позе, словно специально созданной для унижения ее

достоинства. А достоинства в ней оставалось совсем мало - одна маска, прикрывающая пылающее от позора лицо! - Ну? - требовательно прикрикнул мужчина, не собирающийся долго ожидать, когда стриптизерша примется за настоящую работу. - Заплачено с лихвой, так что бери быстренько за щеку. С трудом подавив остатки добродетельности, Арина нагнулась к багровой головке и слегка коснулась ее губами.

Однако долго размышлять над собственной участью ей не дали, т. к. эта участь, во всяком случае, по мнению мужчины, заключалась в качественном минете - ее просто насадили ротиком на член, со всего маху нажав тяжелой ладонью на затылок. Арина поперхнулась, но ее добронравие было мгновенно убито огромным членом, заполнившим ее рот. Стремясь побыстрее покончить с неприятной обязанностью, вдруг всплывшей для чистенького и беспорочного ангела, она задвигала головой, послушно отрабатывая гонорар. Мужчина довольно ухал каждый раз, когда губки, созданные вроде исключительно для поцелуев, скользили к основанию, и иногда привставал, чтобы поместить руку на грудь, сильно ее сжать, а то и вовсе ухватить сосок и задавать им ритм сосания.

И каждый раз Арина, для которой казалось немыслимым, что ей одновременно дают в рот и тискают, пыталась отстраниться и возразить, снова грубо насаживалась второй рукой на кол, проникающий в самое горло. После того, как ее несколько раз поставили таким образом на свое место - трахаемой в рот шлюхи, - она оставила попытки сопротивления и принялась добросовестно отсасывать. Какое-то время в келье слышались только звуки мужского взрыкивания и влажного движения губ по эрегированному половому органу. - Все! Хорош! Вставай раком теперь! Сначала Арина думала, что она ослышалась, но приказ был недвусмысленным... Словно сомнамбула, Арина выпустила из затрясшихся губ член - ей предстоит новый круг грехопадения, - и механически приняла указанную позу на диване, словно восходила на эшафот.

Ее шлепнули по заднице, отчего вся ее сущность вздрогнула, точно попку обожгло хорошим ударом плети. Однако не боль была виной того, что все стройное тело вздрогнуло - было невыносимо оскорбительно именно обращение с ней, той, кто не позволял даже грубого слова в свой адрес. А тут - нате, пожалуйста - дурашливо бьют по заднице, не больно, а скорей ласково, словно любимую кобылку, которую готовятся взнуздать... - А бумажку-то намочила! Придется сушить! Гы-гы! И так чувствующая себя ужасно, готовящаяся дать раком заплатившему за это мужику, Арина чуть не умерла от позора. Как она могла забыть про свернутую трубочкой купюру в собственной дырочке? Как она могла потечь от унижений и оскорблений, недостойных приличной женщины, каковой она себя считала? Она почувствовала, как из нее достают проклятую бумажку, а затем берут за бедра. Нечто горячее и твердое уперлось в ее полуоткрытые половые губки, но мужчина не спешил загнать свой член.